

КАК ПОНЯТЬ ГОРОДА: СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС И ИДЕЯ ГОРОДОВ БЕЗ ГОСУДАРСТВА

В течение двух десятилетий городские исследования, осуществляемые социальными учеными, были организованы вокруг господствующей концепции, скрывавшейся под слегка различающимися, а порой даже конкурирующими ярлыками: мировой город, глобальный город, сети мирового города. Ключевой аргумент статьи заключается в том, что, хотя данная концепция обладала высоким познавательным потенциалом, она оказалась совершенно ошибочной в своем предположении, что национальное государство не играет важной роли в мировой экономике и жизни мировых/глобальных городов. Доминирование этой концепции обеднило городские исследования: в ней города предстали не более чем абстрактными почтовыми адресами предприятий и рынков труда, а тот факт, что они являются наполненными смыслами материальными декорациями, в которых живут и взаимодействуют люди, был окончательно забыт.

В настоящей статье досконально исследуются постулаты и гипотезы трех самых выдающихся представителей теории глобальных/мировых городов: Джона Фридмана, Саскии Сассен и Питера Дж. Тейлора. Нынешний экономический кризис продемонстрировал всю несостоятельность их идей о роли городов в мировой экономике. Таким образом, экономический кризис порождает и кризис парадигмальный, и нам следует воспользоваться этим переломом, чтобы обратиться к более широким перспективам исследования городов.

Ключевые слова: *мировой город, глобальный город, сети мировых городов, нация-государство, мировая экономика, экономический кризис.*

В течение примерно двух десятилетий городские исследования, осуществляемые в рамках социальных наук, находились под влиянием доминирующей концепции, особой парадигмы, если использовать этот термин в широком, не вполне куновском, смысле. В научном дискурсе так и не сложился консенсус по поводу того, каким наукообразным термином, заканчивающимся на «-изм» или «-ический», окрестить эту концепцию, но ее легко распознать под такими названиями, как «гипотеза мирового города», «теория глобального города», «теория сетей мирового города». Между этими названиями развернулось что-то вроде внутрисемейного соперничества. Возникновение концепции глобаль-

Терборн Йоран (Göran Therborn) — Почетный профессор социологии в Университете Кембриджа, Великобритания, аффилированный профессор социологии в университете Линнеус, Швеция (gt274@cam.ac.uk; <http://www.therborn.com>).

ного/мирового города явилось частью гораздо более масштабного переворота в социологическом воображении, который ознаменовался перемещением аналитического фокуса из области национального в сферу глобального (ср. Therborn 2000). Эта концепция инициировала огромное количество исследований и была с большим интересом и одобрением воспринята *extra muros**. В целом, ее вклад в создание научного знания, безусловно, значителен и позитивен.

Однако картина мира, которую сформировала теория глобальных/мировых городов, и осуществленный в ее рамках анализ отношений между городами и миром показали себя абсолютно ошибочными. Мир интерпретировался исключительно как мировая экономика — причем экономика, в которой национальные государства либо просто отсутствуют, либо занимают периферийное положение — и уж точно являются феноменом отмирающим и безынтересным. Мировые или глобальные города рассматривались как практически не испытывающие влияния государства, независимые от территориальной привязки к тому или иному национальному государству и функционирующие преимущественно через сети, простирающиеся по всему миру. Мировой кризис, который начался в 2008 г. и непонятно когда закончится, показал, что эти постулаты являются вопиюще несостоятельными. Похоже, парадигмального кризиса не миновать.

Доминирующая в научном дискурсе концепция почти заставила нас забыть и о том, что города представляют собой материальные контексты, в которых люди живут, работают, общаются, хорошо проводят время. Роль городов свелась либо к почтовым кодам крупных предприятий, либо к пространствам функционирования поляризованных рынков труда.

Что объединяет эти две версии парадигмы глобальных/мировых городов, так это нерелексивный, принятый априори экономизм, который вышел за рамки хорошо осмысленной и эвристически ценной идеи о разделении труда. Благодатной почвой для развития парадигмы послужило также поразительное отсутствие интереса к современной городской историографии, столь характерное для урбанистов, работающих в области географии, городского планирования и социологии.

В этой статье представлена уважительная критика трех наиболее выдающихся и влиятельных представителей теории глобальных/мировых городов, по-прежнему доминирующей в научном сообществе: это Джон Фридман, Саския Сассен и Питер Дж. Тейлор. Нынешний кризис можно рассматривать как повод для того, чтобы шире взглянуть на городскую проблематику.

* Лат. — вне стен, то есть за пределами академического сообщества (*прим. пер.*).

«Гипотеза мирового города»

Социальные науки никогда не были по-настоящему парадигмальными, а мультидисциплинарные городские исследования уж точно следует признать менее парадигмальными, чем, скажем, математизированную либеральную экономику. Но если и была путеводная звезда в городских исследованиях последней четверти XX в., то это, безусловно, «Гипотеза мирового города» Джона Фридмана, в общих чертах оформившаяся в 1982 г. и отточенная к 1986 г. Одноименная статья была со всем возможным почтением помещена в популярный сборник под редакцией Пола Нокса и Питера Тейлора (1995), и именно работе Фридмана была посвящена коллективная монография, выпущенная под редакцией Нейла Бреннера и Роджера Кейла (2006).

Прежде чем продолжить, я должен заранее попросить у читателя прощения за личный комментарий, которым предварю научную рефлексию. «Правильные» научные дискуссии вообще не предполагают перехода на личности, но, обсуждая работы Фридмана, сложно поддерживать даже умеренный полемический задор, приличествующий ученому. Со своим свободным и в то же время информативным стилем изложения, простой и четкой эмпирической аргументацией, явной приверженностью гуманистическим ценностям (которую я тоже разделяю), тексты Фридмана оставляют мало простора для полемики и даже, напротив, предупреждают критику. Тем не менее, я глубоко убежден, что городские исследования должны направиться по другому руслу.

Говоря прямо, в профиле научных исследований, инициированных фридмановской «гипотезой мирового города», есть две главных проблемы. Во-первых, этот профиль игнорирует роль национальных государств. Во-вторых, он не принимает во внимание роль городов как материальных сред, наполненных смыслами.

Вдохновленная идеями Кастельса (1972) и Харви (1973), «гипотеза» Фридмана была призвана обеспечить исследовательскую рамку, которая связала бы «процесс урбанизации и глобальные экономические силы». Она была оформлена в виде семи тезисов, из коих самыми важными можно считать следующие два:

1. «Форма и степень интеграции города в мировую экономику <...> имеют решающее значение для любой структурной трансформации, разворачивающейся в городском пространстве».
2. «Города, располагающиеся по всему земному шару и играющие ключевые роли в мировой экономической системе, используются капиталом как “базисные пункты” пространственной организации и координации производства и работы рынков. Возникающие в результате взаимосвязи позволяют выстроить мировые города в сложную пространственную иерархию» (Friedmann 1986/1995: 318–319).

Государство один раз упоминается в рассуждениях Фридмана, но лишь в контексте отрицания, недооценки:

7. «Развитие мировых городов порождает общественные затраты, которые зачастую превышают финансовые возможности государства» (Ibid: 326).

Работа Фридмана открывает новаторскую глобальную перспективу в городских исследованиях, явно родственную анализу мировых систем Иммануила Валлерстайна (1974). Одновременно данная перспектива обладает социально-критическим потенциалом:

4. «Формирование мировых городов заставляет сфокусироваться на важнейших противоречиях индустриального капитализма, в том числе пространственной и классовой поляризации (Ibid: 324).

Для одной-единственной статьи этого более чем достаточно. Неудивительно, что она стала классикой. Однако хотя работа Фридмана не продвигает какой-либо парадигмы социального исключения, де факто она исключает из анализа политику — на любом уровне: имперском ли, национальном или локальном. Исключает она и специфику городской жизни — в любых ее формах: городской дизайн, архитектуру, коммуникации, культуру.

Десятью годами позже Фридман (1995) с удовольствием и гордостью дает оценку «десятилетию исследований мировых городов». Ссылаясь на Энтони Кинга (1990), ученого, который следовал совершенно иному курсу городских исследований, где город рассматривался как открытый миру феномен, но большое внимание уделялось и архитектуре, культуре, политике, Фридман, с характерной риторикой включения, заявляет: «Если мы будем игнорировать другое лицо мировых городов — их укорененность в политически организованном “жизненном пространстве” <...> — многое из того, что мы сегодня наблюдаем, останется непонятным» (Friedmann 1995: 34). Но это не более чем милый реверанс в сторону городской историографии. Унифицирующий метанарратив мировых городов, зафиксированный в пяти парадигмальных принципах, которые сложились за десять лет существования теории и которые описываются Фридманом как «конвенциональные», свидетельствуют о другом.

1. «Мировые города <...> выступают организационными узлами глобальной экономической системы».
2. «Существует пространство аккумуляции глобального капитала, но по масштабам оно меньше, чем весь мир целиком...»
3. «Мировые города представляют собой крупные урбанизированные пространства интенсивного экономического и социального взаимодействия».
4. «Мировые города могут быть помещены в иерархию, причем их положение будет ориентировочно определяться теми экономическими ресурсами, которые находятся в их распоряжении...»

«Управляющая страта мировых городов представляет собой социальный класс, который получает название “транснационального капиталистического класса”...» (Ibid: 25–26).

По сравнению с историографией мировых городов, представленной, например, в работах Шорске о Вене (Schorske 1980), Зайденштрикера о Токио (Seidensticker 1983), Шлегеля о Москве (Schlögel 1984/2005), Хигоннета (Higonnet 2002) и Харви (Harvey 2005) о Париже, такой подход являет собой радикальный экономический редукционизм городских исследований. При всем своем интересе к глобальным феноменам, этот взгляд на мировой капитализм конца XX в. следует признать весьма наивным и американоцентричным. В большинстве регионов мира: в Европе, Азии и Латинской Америке, — государство является ключевым фактором городского, а также капиталистического развития. А в тех регионах, где такое развитие происходит не слишком интенсивно (например, в Африке), соседство с государственными структурами обуславливает взрывоподобный рост столичных городов (Freund 2007: 144 и далее).

Преимственность исследовательской традиции и ее развитие

Фридману удалось уловить дух времени, и заявленная им исследовательская программа вполне заслуженно вызвала большой интерес в научном сообществе и получила развитие в работах других ученых. Самыми влиятельными из них оказались Саския Сассен (на исследование которой, посвященное миграции и реструктуризации системы занятости, Фридман ссылается уже в своей самой ранней программной статье) и Питер Дж. Тейлор, который, составляя свою популярную антологию, явно воспринял и переработал идеи Фридмана (Кнох, Taylor 1995). Эдвард Соья (Soja 2000: 219 и далее) с позиций инсайдера пытается разобраться в контексте формирования теории мировых/глобальных городов в Калифорнийском Университете в Лос-Анджелесе (UCLA) и предлагает любопытное объяснение концептуальных различий в его собственных работах и работах Сассен (Sassen 1991), указывая на локальные научные традиции, которые сложились в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке и которые породили разные перспективы исследования глобальной городской экономики.

Как оказалось, идеи Фридмана стимулировали самые разные направления научной мысли. Так, Нейл Бреннер (Brenner 2004), посвятивший составленный им совместно с Роджером Кейлом информативный и тематически разнообразный ридер Фридману, своему «учителю и другу», ядром своего тонкого и оригинального анализа трансформаций политических курсов и форм пространственной организации государств в Европе сделал именно отношения между городами и национальными государствами. Впрочем, похоже, что на самом деле главным

учителем Бреннера и его ориентиром в поле науки был Анри Лефевр — французский философ-марксист, который много писал о государстве, пространстве и городе.

Конечно, эта статья вовсе не задумывалась как беглый обзор современных городских исследований. Ее суть заключается в том, что «гипотеза мирового города» позволила собрать богатый урожай городских исследований, но у всех этих исследований был серьезный аналитический крен, которым страдали даже самые влиятельные научные проекты и публикации, посвященные «глобальным городам» и «сетям мировых городов». Эта «однобокость» аналитического подхода и связанные с ней проблемы и ограничения стали абсолютно очевидны в ситуации текущего экономического кризиса, а во многом — и по причине этого кризиса.

«Глобальные города» как точки экономической географии

Наиболее известной последовательницей «гипотезы мирового города» считается — и вполне заслуженно — Саския Сассен, чья книга «Глобальный город» (1991) быстро стала отправной точкой особого урбанистического дискурса, развернувшегося по всему миру: и в кабинетах мэров крупных городов, и в мире университетской науки, особенно социальной. В этой книге представлено солидное эмпирическое исследование таких городов, как Лондон, Нью-Йорк и Токио, помещенное в сложную аналитическую рамку. Идеи Сассен были впоследствии уточнены и модернизированы во втором издании книги (Sassen 2001).

Нельзя сказать, что Сассен плохо осознает роль государства и отношений между городами и государством или не интересуется этой ролью. Она также четко указывает на разницу между глобальными городами, отличительным признаком которых являются ведущие позиции в глобальной экономике, и «мировыми городами в полном смысле этого слова» (Sassen 2001: xix). Более того, совершенно логично, что в своем исследовании Сассен концентрируется на экономике глобальных городов, тем более что она также вводит в анализ широкий социально-экономический контекст, обращая внимание на миграцию и неравенство, а не только на финансовые центры или бизнес-услуги.

Нет, сомнения у меня вызывает вовсе не научная состоятельность работ Сассен. Проблематичной является выбранная ею парадигма, представляющая собой часть фридмановской теории мировых городов. Во втором издании «Глобального города» (Ibid: xix и далее) Сассен характеризует свою теоретическую рамку в семи гипотезах, причем все они относятся к географии бизнеса. Ее ключевая идея заключается в том, что глобальное рассредоточение форм экономической деятельности требует осуществления новых централизованных корпоративных

функций управления, часть которых принимают на себя специализированные сервисные компании-субподрядчики. Глобальные города являются центрами производства таких услуг, причем это производство обеспечивается глобальной сетью филиалов специализированных компаний. «Одним из последствий подобного состояния вещей и, соответственно, одной из наших исследовательских гипотез является то, что экономическое благосостояние таких городов все меньше зависит от регионов, где они расположены, и даже от их национальных экономик» (Ibid: xxi; Sassen 2006a: 44).

Я же считаю, во-первых, что исследование городов страдает, когда оказывается подчиненным логике изучения мировой экономики. «В течение столетий мировая экономика определяла жизнь городов. Эта книга посвящена современному состоянию взаимосвязей между двумя феноменами», — так Сассен начинает свою книгу (Sassen 1991: 3; 2001: 3). Но в какой степени мировая экономика реально задает специфику городской жизни и как этот фактор связан с другими, не обсуждается. Для Сассен это аксиома, вытекающая из выбранной ей парадигмы. Во-вторых, Сассен не признает важной роли современного национального государства в экономике и бытовании городов, поскольку в ее концепции отсутствует какой-либо анализ экономического влияния национального государства, а отношения между государством и городом не рассматриваются систематически, хотя фрагментарные отсылки к этому сюжету есть (например, упоминается ведущая роль японского правительства в реструктурировании Токио в 1980-х гг.) (Sassen 2001: 214 и далее).

Что же касается значения городов как особых мест, то в работе Сассен города почти всегда предстают лишь как «центры управления» или (чтобы сделать рассказ о глобальных городах более нюансированным) как рабочие места низкооплачиваемых работников, занятых в сфере обслуживания и зачастую набираемых из числа иммигрантов (ср. Sassen 2006a: 2, 196 и далее). Города никогда не описываются как пространства коммуникации или особые материальные среды.

Неуловимые «центры управления» и неоднозначность (де-)национализации

Первая и главнейшая функция глобальных городов, провозглашенная Сассен (Sassen 1991: 3), заключается в том, что они являются «важными центрами управления мировой экономикой». Возможно, некоторым покажется сложным представить города как «центры управления». Но эту проблему можно решить, рассмотрев города как пространства концентрации управленческих функций в экономике. Однако новейшие данные относительно реализации этих функций поразительно расплывчаты и ненадежны.

Возьмем, к примеру, два самых популярных рейтинга крупнейших мировых корпораций за 2009 г.: рейтинг журнала «Fortune», основанный на таком критерии, как доход, и рейтинг «Financial Times», опирающийся на критерий рыночной стоимости. Выясняется, что из семнадцати компаний, которые вошли в десятку крупнейших, по версии каждого из издательств (а их рейтинги не слишком-то совпали), ни одна не разместила штаб-квартиру в Нью-Йорке, Токио или Париже и только одна — в Лондоне (табл. 1).

Таблица 1

**Расположение пятидесяти крупнейших корпораций
мира в больших городах (2008)
Количество штаб-квартир в городах**

	Нью-Йорк	Лондон	Токио	Париж	Пекин
50 крупнейших компаний (по версии «Financial Times»)	4	2	0	3	5
50 крупнейших компаний (по версии «Fortune»)	2	1	2	3	3
Место в рейтинге «Financial Times»	№ 27	№ 16	(№ 56)	№ 45	№ 2
Место в рейтинге «Fortune»	№ 39	№ 4	№ 11	№ 24	№ 9

Источники: *Fortune*: [<http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2009/>]; *Financial Times*, May 30-31, 2009.

Самым примечательным, пожалуй, можно считать тот факт, что крупнейшие корпорации мира (а в данном случае их список включает банки и страховые компании, фирмы, специализирующиеся на коммуникациях, и розничные сети, а не только нефтяные компании и промышленные предприятия) мало представлены в тех четырех городах, которые чаще всего выделяются в качестве глобальных городов мира: максимум 9 таких компаний из 50 устроили в них свои головные офисы. Самым популярным местом оказался Пекин, но не потому что это самый глобальный город, а потому что он является центром крупной национальной экономики.

США представляют собой государство с чрезвычайно децентрализованной капиталистической экономикой. В десятке крупнейших корпораций рейтинга «Fortune» не было ни единой компании из Нью-Йорка, Чикаго или Лос-Анджелеса. Среди 50 крупнейших корпораций набралось 8 из Нью-Йорка, по 2 — из Атланты, Цинциннати, Хьюстона и Сан-Франциско, а остальные оказались рассредоточены по 34 различным поселениям. Другими словами, американский капитализм чрезвычайно

«денационализован», если использовать один из любимых терминов Сассен (Sassen 2006b), но причиной тому послужила не глобализация, а уникальная «центробежная» конфигурация экономической системы.

Я вовсе не намереваюсь использовать приведенные выше данные для того, чтобы оспаривать центральную роль Лондона и Нью-Йорка в глобальной капиталистической системе: они призваны лишь проиллюстрировать сложный, многогранный характер мирового капитализма, который делает поиск каких-либо «центров управления» весьма субъективной, спорной и труднодостижимой задачей. Например, лондонский Сити регулярно заказывает калькуляцию «Индекса глобальных финансовых центров» (Global Financial Centres Index), опирающегося на исследования основных игроков финансового рынка и ряд других критериев (www.cityoflondon.gov.uk). Неудивительно, что Лондон занимает в этом рейтинге первое место, а Нью-Йорк буквально наступает ему на пятки. Гораздо более неожиданно, что Париж оказывается в этом рейтинге лишь на 19 позиции, значительно отставая, среди прочих, от таких городов, как Бостон (9 место) и Дублин (10 место). В последней версии рейтинга Токио потерял 8 позиций и откатился на 15 место. Впрочем, в контексте нашего анализа интерес представляет не столько расстановка мест, сколько ее причины. Хотя в среде нью-йоркских банкиров существует недовольство «недостаточным культурным принятием иностранцев» в Токио (проблемой, которая если и существует, то уж точно не может быть признана новой или специфичной именно для Токио в ряду других японских городов), реальной причиной потери Токио лидирующих позиций в рейтинге, как демонстрируют исследования, является состояние японской макроэкономики, а не какая-нибудь локальная разновидность глобального финансового кризиса. Другими словами, это оборотная сторона национальной экономики, в недавнем прошлом столь успешной, что именно она обеспечивала Токио привилегированное место в глобальной системе (ср. Hill, Kim 2000; Fujita 2003; Waley 2007).

Глобальность глобальных городов не исчезает, но начинает казаться все более сложной, особенно если мы выбираем для анализа более широкую перспективу, чем парадигмальная гипотеза. Обратимся, например, к результатам исследования Яна Гордона (Gordon 2004: табл. 1), согласно которым в 1999–2000 гг. 60 % трудоустроенных жителей Лондона работали на городской и региональный рынок, 28,5 % — на другие рынки Соединенного Королевства и лишь 12 % — на зарубежные рынки. В сфере финансовых операций иностранные рынки оказывали большее влияние, предоставляя работу 31 % работников от общего числа занятых в секторе, но все же уступали национальным рынкам, сложившимся в других регионах страны (на них приходилось 40 % рабочей силы).

Или возьмем картину Нью-Йорка, зафиксированную как раз в период между выходом первого и второго издания книги Сассен «Глобальный город»: «Штат [Нью-Йорк] контролирует все городские налоги [города Нью-Йорка], определяет рост базы налогообложения, взыскивает суммы от завышения городских цен и тарифов, чтобы управлять городскими доходами и налогами на продажи <...> Штат устанавливает нормы расходов на образование, уголовное судопроизводство, здравоохранение и услуги в области социального обеспечения, которые должен соблюдать город...» (O'Sléigecáin 1997: 28). Лишь треть городского бюджета может быть использована на дискреционные расходы, тогда как распределение основной его части санкционируется федеральным правительством или правительством штата (Ibid: 29).

Во втором издании «Глобального города» (Sassen 2001: 358) Сассен признает, что уделяет «недостаточно» внимания отношениям между глобальными финансовыми потоками и национальными государствами, и обещает восполнить этот пробел в своей будущей работе. Такой работой, вероятно, стала книга «Территория. Власть. Права» (Sassen 2006b) — блестяще задуманный, но не слишком убедительно выполненный и, в конечном счете, на удивление бедный общими выводами исторический очерк, повествующий о средневековых, национальных, глобальных «ассамбляжах», которые названы «ключевыми компонентами» национальных и глобальных структур. Похоже, исследовательские интересы и приоритеты Сассен отразились в том, что заявленные в названии категории «территория», «власть», «права» практически не фигурируют в книге в дальнейшем. Как, кстати, не фигурируют там и экономические ресурсы и потоки (что, вызывает, пожалуй, большее удивление), а упоминания о современном развитии государства всеобщего благосостояния настолько осторожны, что кажутся внутренне противоречивыми (Sassen 2006b: 224, 226). Итак, в конце десятилетия Саския Сассен оставляет свои глобальные города вырванными из контекста национальных государств — хотя об этом можно судить больше по намекам и подтексту, чем по открытым утверждениям автора.

Связанные города, тонущие города и демонизация государства

Питер Дж. Тейлор внес весомый вклад в городские исследования, подняв проблему, которую он сам называет «очевидным кризисом» исследований мировых городов (Taylor 2004: 32 и далее). Он учредил влиятельный и открытый для внешних специалистов исследовательский центр в университете Лафборо, призванный изучать связи между многочисленными городами мира, причем преимущественно — хотя и не исключительно — посредством анализа деятельности офисов крупнейших компаний, оказывающих бизнес-услуги. Так составляются новые карты

мира. Благодаря сотрудничеству с китайской Академией социальных наук команде Тейлора удалось зафиксировать подъем Пекина, быстро ставшего седьмым и последним участником группы «альфа-городов» второго уровня, которые следуют за лидирующей диадой — Лондоном и Нью-Йорком (Taylor 2009: табл. 1). Однако остается не всегда понятным, как именно следует интерпретировать эту связность узлов сети «обслуживания глобального капитала». Например, если мы вдруг обнаружим, что Джакарта или Каракас гораздо теснее связаны с мировым капитализмом, чем Лос-Анджелес, то что это будет означать?

Конечно, каждый ученый-эмпирик мира должен быть признателен Тейлору и его коллегам за их огромный труд, но полезность этого труда можно было бы значительно повысить за счет составления более многомерной базы данных (и, кажется, это упущение действительно признается на последних страницах Бюллетеня 300 Сети исследователей глобализации и мировых городов (GaWC Bulletin 300)). Однако для урбанистов главная проблема исследовательской программы Тейлора заключается в том, что он развивает идею Мануэля Кастельса (Castells 1989; 1996), предполагающую рассмотрение города как процесса и его локализацию в «пространстве потоков», а не пространстве мест (которое, с точки зрения Тейлора, есть одновременно пространство национальных государств). Данная позиция описывается как «новая пространственная логика» (Taylor 2004: 27), и именно эта логика ложится в основу исследований Тейлора, сфокусированных на сцепленных сетях и связности этих сетей. Именно в этой логике Тейлор также критикует Дорин Мэсси (Massey 2007) за то, что она иногда рассматривает Лондон как место (Taylor et al. 2009).

С моей точки зрения, развитие концепции «пространства потоков» приводит к тяжелой ампутации, которую городские исследования проводят сами над собой. Города как особые места смываются «пространством потоков», буквально тонут в нем. Единственное, что остается торчать над водой, — это почтовые коды компаний, предоставляющих бизнес-услуги. Но те города, в которых люди живут, работают, развлекаются, города, где люди гуляют и смотрят по сторонам, города, в которые приезжают туристы, города, о которых люди рассказывают друг другу, — это именно **места**. Фирмы, занимающиеся рекламой, бухгалтерским учетом, управлением активами, юридическим консультированием и пр., действительно склонны ориентироваться на потоки прибылей, а не на специфические характеристики мест, хотя их служащих, возможно, места очень интересуют. Но города как таковые позиционируют себя именно как пространства достопримечательностей, места привлечения туристов, и конкурируют в качестве таковых. Есть некая ирония в том, что исследовательница, заложившая основы странного тейлоровского

взгляда на отношения между городом и государством, Джейн Джекобс (Jacobs 1961), как раз принадлежала числу урбанистов, которые принципиально рассматривали город как место.

Подход Тейлора к изучению мировой экономики не игнорирует государства. Он их демонизирует. Вдохновившись поздними идеями Джейн Джекобс (1992), Тейлор (2007) противопоставляет «коммерческий» синдром городов «охранительному» синдрому государств. При этом главные производители, поддерживающие существование человечества — крестьяне и фермеры — совершенно игнорируются, все производство подпадает под категорию «торговли», а государство-страж представлено как настоящий хищник и даже «паразит». По мнению Тейлора, коммерческий город и охранительное государство олицетворяют собой разные моральные заповеди, которые автор выражает следующими лаконичными сентенциями (Taylor 2007: табл. 2). Коммерческий синдром: «Будь честен». Охранительный синдром: «Обманывай ради цели». Затем приводятся такие оппозиции: избегай принуждения/избегай компромиссов; будь трудолюбивым/по максимуму используй досуг; будь бережливым/не гнушайся показного шика. Далее Тейлор продолжает в том же духе, так что вся его концепция начинает более всего напоминать свод аргументов, созданный в Британии XIX в., чтобы оправдать порабощение «варваров» Империей.

Конечно, к географическим исследованиям обычно не предъявляют требований искусного политического анализа или экспертного понимания политической ситуации, однако подобные напыщенные и насквозь идеологизированные тирады однозначно являются препятствием для адекватной трактовки отношений между городами и национальными государствами.

Столкновение

В своей программной статье «Мировые города и территориальные государства» Питер Тейлор поднял вопрос о том, «нуждается ли Лондон как мировой город в Британии и нужно ли Нью-Йорку как мировому городу оставаться частью крупного территориального государства, каким являются США» (Taylor 1995: 59). Хотя четкого ответа на этот вопрос Тейлор не дает, на самом деле его мнение очевидно. Однако уже в 2009 г. он честно признает обратное: «Пришлось привлечь привязанный к месту государственный бюджет к спасению сетевизированного частного капитала. Национализация <...> компаний, специализировавшихся на финансовых операциях, вновь вывела на центральную арену мировой экономики территории с их границами...» (Taylor 2009: 1).

Когда разразился кризис, к кому бросились за помощью банкиры с Уолл-стрит и из лондонского Сити? Может быть, они обратились

к глобальным «сетям» или к другим глобальным городам? Нет, они отправились в Вашингтон или на Даунинг-стрит*. В сравнении с гигантскими ссудами, которые обеспечили национальные правительства, ресурсы городов оказались просто жалкими. Так, основным вкладом Лондона в преодоление финансового кризиса стал план мэра по расширению зарубежных торговых представительств и развитию института торговых советников, призванный помочь предприятиям малого и среднего бизнеса выйти на мировые рынки (www.london.gov.uk/view_press_release.jsp?releaseid=22238).

В серьезной прессе этот момент был осознан как «апокалипсис» глобальных городов. Например, заглавная статья «Таймс» от 20 октября 2008 г. называлась «Лондон тонет». Международное издание «Нью-Йорк Таймс» («Интернэшнл геральд трибюн») 20 января 2009 г. опубликовало развернутую статью «Неужели Большое Яблоко начинает терять лоск?» («Is the Big Apple starting to lose its shine», стр. 18). Ответом на этот вопрос было однозначное «да», а победителем в этой ситуации назывался Вашингтон: «Неожиданно в Вашингтоне собрались все звезды [на инаугурацию Президента]... Но Вашингтон может похвастаться и контролем над деньгами: запуганные и израненные в боях обитатели Уолл-стрит сдались на милость федерального правительства...»

В настоящей статье мы не станем гадать, как и когда закончится кризис и каким образом он повлияет на города вроде Лондона или Нью-Йорка в долговременной перспективе. Мой аргумент заключается лишь в том, что кризис эффектно доказал всю необоснованность концепций мировой экономики, глобальных городов, городских сетей, существующих вовсе без национальных государств или независимо от них.

Разумеется, масштаб и остроту кризиса сложно было предугадать заранее, и не стоит винить урбанистов, развивающих идеи города без государства, за неточность прогнозов. В чем кроется их вина, так это в игнорировании важной роли национальных экономик и национальных государств в современном мире. Вместо того чтобы заняться трезвым критическим анализом ситуации, они увлеклись возбуждающей суетой центральных деловых районов городов (а возможно, их ввело в заблуждение большое расстояние между Лос-Анджелесом и Вашингтоном — и это несмотря на тот факт, что к середине 1960-х гг. «благодаря усилиям федерального правительства [например, за счет военных расходов] Лос-Анджелес превратился во влиятельную метрополию, превзойти которую мог разве что <...> федеральный округ Колумбия» (Soja 2000: 135)).

* Даунинг-стрит — улица в Лондоне, на которой находятся официальная резиденция премьер-министра Великобритании и официальная резиденция канцлера государственного казначейства (*прим. пер.*).

Реальность современных государств и национальных экономик

Питер Тейлор (Taylor 2004: 48 и далее) посвятил целый раздел своей центральной книги тому, что он называет «мифом о национальной экономике», причем этот раздел написан в довольно агрессивном тоне. «...Национальные экономики не создают благосостояние; они не обладают способностью формировать экономику посредством планирования экономических трансформаций на больших расстояниях». Большинству жителей послевоенной континентальной Западной Европы и Японии, так же, как и большинству жителей современной Кореи или Китая, такие высказывания наверняка показались бы странными. Но не будем ограничиваться субъективными ощущениями, а обратимся к эмпирическим данным.

Если даже не принимать во внимание противоречивый вопрос об идентичности «создателей благосостояния», мы можем опираться на такой общепризнанный показатель, как валовой внутренний продукт. Какую же роль играют национальные государства в формировании и расходовании ВВП? (табл. 2)

Таблица 2

Общественно-государственные расходы в странах ОЭСР в 1974–1976 и 2005 г. % от ВВП

	1974–1976	2005
Франция	42	54
Германия	44	47
Италия	43	48
Соединенное Королевство	45	44
Канада	39	39
Япония	25	38
США	35	37
Средний показатель для вышеперечисленных государств	39	44

Источники: 1974–1976: (OECD 1978: табл. 2); 2005: (Lonti, Woords 2008: табл. 1)

Таким образом, на исходе нынешней волны глобализации национальное государство обладает большим объемом экономических ресурсов, чем до ее наступления. Доходы от налогов в странах ОЭСР тоже постоянно росли с 1955 г. (когда начинается динамический ряд исследования) и вплоть до 2000 г., после чего вообще достигли исторического максимума и закрепились на этом показателе (OECD 2009). Разумеется, организацию, которая в состоянии расходовать 40–50 % национального

дохода, можно игнорировать только лишь на свой страх и риск. А в современных условиях государство однозначно способно действовать на больших расстояниях, контролируя всю территорию страны. Именно неоспоримая экономическая мощь государств объясняет, почему они оказались единственными игроками на мировых рынках, достаточно сильными, чтобы попытаться привести в порядок экономику, пришедшую в состояние полной неразберихи и хаоса в результате мирового финансового кризиса.

Для представителей обычных домохозяйств, включая и тех, кто проживает в «глобальных городах», национальные государства по-прежнему остаются важными экономическими силами как работодатели, как гаранты денежных переводов и как поставщики услуг. Из пяти граждан Франции более чем один/одна работает на правительство, для США этот показатель составляет один из семи (Lonti, Woods 2008: 54). Правда, в Канаде и США занятость населения в государственных органах несколько сократилась по сравнению с 1975 г., зато во Франции она значительно выросла (OECD 1982: табл. 1). Для лиц, постоянно проживающих во Франции, национальная экономика очень важна: лишь изредка государственные субсидии не зависят от гражданства людей. Если мы суммируем эти субсидии, пенсии и прочие формы финансовой поддержки государством своих резидентов, а также примем во внимание занятость населения в государственном аппарате, то получится, что где-то 15 (США) — 30 (Франция) процентов жителей самых экономически преуспевающих стран получают большую часть своего дохода из государственной казны (OECD 1982: табл. 2) (ср., например, информацию о пенсиях, выплачиваемых по программам Социальной защиты в США*: www.ssa.gov, и данные о французской пенсионной системе, предоставленные Национальным институтом статистики и экономических исследований: www.insee.fr).

Если мы примем во внимание еще и государственные услуги в области здравоохранения, образования и пр., то роль национального государства для рядовых домохозяйств окажется еще важнее (табл. 3). Для беднейших 20 % жителей в целом преуспевающего мира ОЭСР стоимость государственных услуг равна 70 % их доходов в денежном выражении, а для самой обеспеченной пятой части населения — 17 % денежных доходов (OECD 2008: 243 и далее). Причем такие денежные субсидии и услуги — это не выплаты, которые государство по собственному усмот-

* «Социальная защита» — одна из основных государственных программ социального страхования в США, по которой осуществляются выплаты пенсий по старости, инвалидности, утрате кормильца, а также оказывается помощь пенсионерам, нуждающимся в медицинском обслуживании (*прим. пер.*).

Доля государственных денежных переводов в структуре доходов домохозяйств в странах ОЭСР, середина 2000-х гг.

Франция	33
Германия	28
Италия	29
Япония	20
Соединенное Королевство	15
США	9
Средний показатель для 24 стран ОЭСР	22

Источник: (OECD 2008: табл. 4.2)

рению решает предложить населению, а обеспечение социальных прав граждан — прав, которые, впрочем, совершенно игнорируются в трактате о правах, написанном Саскией Сассен (Sassen 2006b).

Для жителей США или Великобритании, которые наслаждаются столичной жизнью или постоянно переезжают из одного глобального города в другой, их национальные государства, вероятно, кажутся менее значимыми, чем для граждан других развитых государств, но 37 % крупнейшей экономики мира все еще расходуется правительством страны, в которой она сформировалась. Между тем, для тех людей, которым немилостивой судьбой суждено было родиться в частях мира, сопротивляющихся доминантной политике и культуре, военное могущество Соединенных Штатов и их верного помощника — Соединенного Королевства — кажется поистине смертельной угрозой.

Если обратиться к исторической перспективе, не вызывает никаких сомнений тот факт, что за последние пятьдесят или сто лет возможности государств только выросли: увеличились объемы доступных им ресурсов, стремительное развитие пережили технологии уничтожения, наблюдения, контроля, а также сбора и хранения информации. С другой стороны, насколько мне известно, никаких серьезных свидетельств в пользу того, что мощь национального государства сокращается, не существует. Трансформация пространственных репрезентаций государственности, описанная Бреннером (Brenner 2004) на примере Западной Европы, отражает скорее эффекты новых национальных политических стратегий, чем хоть какое-либо ослабление государства как такового. Конечно, влияние глобальных рынков выросло, но до определенной степени оно было скомпенсировано существованием новых международных организаций, таких как Европейский Союз или ВТО, или неформальных объединений, таких как «Большая восьмерка» и «Большая

двадцатка». Трансграничная мобильность капитала действительно увеличилась, но для рядовых людей границы некоторых национальных государств, например, США, никогда не казались столь четко демаркированными и жестко контролируруемыми, как сегодня.

Вкратце можно сказать, что рассматривать роль городов в мировой экономике и мировой общественной системе, но при этом не уделять серьезного внимания национальным государствам — это серьезнейшая ошибка. Нынешний кризис привлек внимание ученых и широкой публики к данной ошибке, но это вовсе не означает, что важная роль национальных государств есть следствие непредвиденного экономического кризиса. Это неотъемлемая часть реального мироустройства, на которое авторы гипотезы мировых городов и проекта глобальных городов закрыли глаза.

Возможности

Итак, нынешний экономический кризис означает и неотвратимый кризис идеи городов без государств. Но кризис — это одновременно и новые открывающиеся возможности. Как можно использовать этот шанс в городских исследованиях? Вероятно, городские исследования останутся столь же многообразными, как и города мира, однако доминирование концепций безгосударственного экономизма ослабит, если не уйдет в прошлое полностью. Очевиден один путь выхода из концептуального кризиса — это систематическая интеграция национальных государств в схемы мировой экономики и глобальные модели городов. Другими словами, нужен поворот к критической *политической* экономии. В своей книге, посвященной государствам, Сассен (Sassen 2006b: глава 4) рассматривает США как государство, символизирующее тенденции 1980–1990-х. Может быть, такое современное государство, как Китай, не менее полно воплощает тенденции 2000–2010-х? Проблема глобального потепления позволит национальным государствам оставаться важными игроками в мировой экономической системе, даже когда частный капитал оправится от кризиса. Глобальные города необходимо изучать в их связи не только с глобальными, но и с национальными экономиками, институтами, политическими курсами и социальными сетями. Роль национальных государств в жизни городов нужно не игнорировать, а тщательно исследовать.

Другое серьезное ограничение исследовательской программы, предлагаемой теоретиками мировых городов, — ограничение, о котором мы упоминали выше, но которое в меньшей степени обнажилось благодаря мировому финансовому кризису, — это невнимание к городу как к месту, обладающему, в частности, своей культурной историей, архитектурными формами и паттернами социального взаимодействия. Эта тема

обычно оставляется для представителей других научных дисциплин или школ, например, для гуманитарных наук (новейшей истории, истории города, истории архитектуры, истории культуры, истории литературы). В социальных науках есть несколько ученых, чьи исследования отчасти заполняют существующий концептуальный провал: среди них следует назвать Дэвида Харви (Harvey 2005) и Энтони Д. Кинга (King 2004). Но тенденции мейнстрима гораздо лучше отражает работа Эша Амина и Найджела Трифта (Amin, Thrift 2002), двух географов, которые принадлежат к числу самых проницательных и теоретически смелых ученых, остро реагирующих на вызовы современности в своем интеллектуальном поиске. В списке литературы, сопровождающем их текст, имеются ссылки на восемь работ Жюль Делеза, всего одна ссылка на работу, написанную архитектором, и ни одной ссылки на работы историков города. Таким образом, у англосаксонской географии явно случился роман с современной французской философией (ср. также Brenner, Keil 2006: часть 7), а вот взаимодействий между городскими социальными исследованиями и гуманитарными науками сегодня удивительно мало. Когда точки соприкосновения все же находятся, междисциплинарное исследование может оказаться чрезвычайно плодотворным, как, например, в нашей недавней попытке интерпретировать трансформации восточноевропейских столиц (Therborn 2006).

Поскольку кризис не имеет прямого отношения к междисциплинарной природе городских исследований, прогнозы относительно развития социальных исследований в этой области делать сложно. Я только могу выразить благое пожелание, чтобы современная историография, архитектурный анализ и социология общения в будущем стали играть более значительную роль в городских исследованиях.

Итак, какие выводы можно сделать, исходя из вышеизложенного? Последуем за Фридманом и Сассен в их пристрастии к цифре семь, перечисляя некоторые заключения.

Во-первых, каждый, кто хочет понять экономику мира и экономическое поведение его обитателей, должен в своем анализе уделять внимание не только потокам капитала, но и национальным государствам.

Во-вторых, мир, в котором существуют и функционируют города, — это мир, разделенный на национальные государства и связанный сетевизированными глобальными потоками.

В-третьих, глобальная связность городов, безусловно, является новой и важной исследовательской темой, однако городские сети не идентичны межфирменным связям и не сводимы к ним.

В-четвертых, как бы ученые ни описывали города, в первую очередь это именно места, оформленные как наполненные смыслами искусственные среды обитания, и именно как места их следует изучать.

В-пятых, власть в мире чаще всего принимает форму государственной власти как концентрированной совокупности социально-экономических властных ресурсов, а большинство репрезентаций государственной власти сосредоточено в столичных городах.

В-шестых, города являются материальными воплощениями культурной истории и местами концентрации человеческого взаимодействия, причем эта их роль является не периферийной, а центральной для понимания феномена городов.

В-седьмых, жесткое разделение городских исследований на две ветви: пространственно-экономическую и историко-культурную, — приводит к неплодотворному самоограничению обеих.

Перевод с английского А.М. Хохловой

Литература

- Amin A., Thrift N.* Cities. Reimagining the Urban. Cambridge: Polity, 2002.
- Brenner N.* New State Spaces. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Brenner N., Keil R.* (eds.) The Global Cities Reader. New York and London: Routledge, 2006.
- Castells M.* La question urbaine. Paris: François Maspéro, 1972.
- Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process Oxford: Blackwell, 1989.
- Castells M.* The Rise of Network Society. Oxford: Blackwell, 1996.
- City of London.* Global Financial Centres Index, 2009. [<http://www.cityoflondon.gov.uk>]
- Financial Times* // FT Global 500 2009. 2009. May 30/31.
- Fortune* 2009 // Fortune Global 500. [<http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2009/>].
- Freund B.* The African City. Cambridge, Cambridge University Press, 2007.
- Friedmann J.* The world city hypothesis // Knox P.L., Taylor P.J. (eds.) World cities in a world-system. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 317–330. (1st ed. Development and Change. 1986. Vol. 17. Pp. 69–83.)
- Friedmann J.* Where we stand: a decade of world city research // Knox. P.L., Taylor P.J. (eds.) World cities in a world-system Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 21–47.
- Fujita K.* Neo-industrial Tokyo: Urban Development and Globalization in Japan's State-Centred Developmental Capitalism // Urban Studies. 2003. 40 (2). Pp. 249–281.
- Gordon I.* Capital growth, capital needs and global city rhetoric in Mayor Livingstone's London Plan // GaWC Research Bulletin. 2004. No 145. [<http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb145.html>].
- Harvey D.* Social Justice and the City. London: Edward Arnold, 1973.
- Harvey D.* Paris, Capital of Modernity. New York and London: Routledge, 2005.
- Higonnet P.* Paris: Capital of the World. Cambridge Mass.: Belknap Press, 2002.
- Hill R.Ch., Kim J.W.* Global Cities and Developmental States: New York, Tokyo and Seoul // Urban Studies. 2000. 37 (12). Pp. 2167–2195.

Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства

Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Vintage Books, 1961.

King A.D. Global Cities: Post-Imperialism and the Internationalization of London. London: Routledge and Kegan Paul, 1990.

King A.D. Spaces of Global Cultures. Architecture, Urbanism, Identity. New York and London: Routledge, 2004.

Knox P.L., Taylor P.J. (eds.) World cities in a world-system. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Lonti Z., Woods M. Towards Government at a Glance: Identification of Data and Issues related to Public Sector Efficiency // OECD Working Papers on Public Governance. 2008. No. 7. OECD Publishing.

Massey D. World City. Cambridge: Polity, 2007.

Mayor of London. Mayor calls on London's businesses to think global [http://www.london.gov.uk/view_press_release.jsp?releaseid=22238]. 1.6.2009

O'Cléireacáin C. The Private Economy and the Public Budget of New York City // Graham M., Vourvoulias-Bush A. (eds.) The City and the World. New York's Global Future. New York: Council on Foreign Relations, 1997. Pp. 22–38.

OECD Public Expenditure Trends. Paris. OECD, 1978.

OECD Employment in the Public Sector. Paris, OECD, 1982.

OECD Growing Unequal? Paris, OECD, 2008.

OECD Factbook 2009: Economic, Environmental and Social Statistics. Paris, OECD, 2009.

Sassen S. The Global City. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 1991.

Sassen S. The Global City. 2nd ed. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001.

Sassen S. Cities in a World Economy Thousand Oaks, Cal.: Pine Forge Press, 2006a.

Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006b.

Schlögel K. Moscow. London: Reaktion Books, 2005. (German ed. Moskau lesen, 1984)

Schorske C. Fin-de-siècle Vienna. New York: Alfred A. Knopf, 1980.

Seidensticker E. Low City, High City. Tokyo from Edo to the Earthquake. New York: Alfred A. Knopf, 1983.

Seidensticker E. Tokyo Rising. The City since the Great Earthquake. Tokyo: Charlars E Tuttle, 1990.

Soja E. Postmetropolis. Oxford: Blackwell, 2000.

Taylor P.J. World cities and territorial states: the rise and fall of their mutuality // P.L. Knox, P.J. Taylor (eds.). World Cities in a World System. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 48–62.

Taylor P.J. World City Network. London and New York: Routledge, 2004.

Taylor P.J. Problematizing City/State Relations: Towards a Geohistorical Understanding of Contemporary Globalization // Transactions of the Institute of British Geographers. 2007. 32 (2). Pp. 133–150.

Taylor P.J. Measuring the World City Network: New Developments and Results // GaWC Research Bulletin. 2009. No 300. [http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb300.html]

Taylor P.J. et al. A Global Sense of Flow? // GaWC Research Bulletin. 2009. No 265. [http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb265.html].

Therborn G. At the Birth of Second Century Sociology. Times of Reflexivity, Spaces of Identity, and Nodes of Knowledge // *British Journal of Sociology*. 2000. 51 (1).

Therborn G. (guest editor) Eastern Drama. Capitals of Eastern Europe, 1830s-2006 // *International Review of Sociology*. 2006. 16 (2).

Waley P. Tokyo-as-World-City: Reassessing the Role of Capital and the State in Urban Restructuring // *Urban Studies*. 2007. 44 (8). Pp. 1465–1490.

Wallerstein I. The Modern World System. 3 vols. New York: Academic Press, 1974–1989.